

ОТКЛИКИ

(ЭВОЛЮЦІЯ МИЛЮКОВА И КЕРЕНСКАГО).

Изъ отзывовъ о младороссахъ, появившихся въ печати за послѣднее время, наибольшій интересъ представляетъ передовица Милюкова въ «Послѣднихъ Новостяхъ» отъ 13 декабря. Мы имѣли основанія предполагать, что онъ отнесется рѣзко отрицательно ко всѣмъ нашимъ идейнымъ и тактическимъ положеніямъ. На самомъ же дѣлѣ критика Милюкова оказалась сравнительно мягкой, и, мѣстами даже благожелательной къ младороссамъ.

Кто помнитъ о томъ, какъ Милюковъ, не исповѣдававшій въ свое время, кажуціеся ему теперь непререкаемыми, республиканскіе догматы, мужественно уговаривалъ Великаго Князя Михаила Александровича не отрекаться отъ престола, тотъ можетъ предположить, что оцѣнка данная Милюковымъ младороссамъ, есть первый шагъ къ отказу отъ требованія республики «во что бы то ни стало» и къ пріятію такой монархіи, которая дѣйствительно дастъ новой, пореволюціонной Россіи удовлетвореніе ея жизненныхъ потребностей.

О такой коренной перемиѣ въ политическомъ міровоззрѣніи Милюкова говорить еще, конечно, преждевременно. «Съ удовольствіемъ» соглашаясь съ рядомъ младоросскихъ утвержденій, онъ въ то же время заявляетъ, что считаетъ нашу связь съ природнымъ Государемъ «фатальной» и осуждаетъ наше стремленіе совмѣстить устремленность къ будущему съ глубокой укорененностью въ прошломъ, равно, какъ и отстаиваніе нами «исторической преемственности, реально выражающейся въ преем-

ствѣ верховной власти». Но Милюковъ видимо самъ понимаетъ, что этотъ пунктъ для младороссовъ — не случаенъ, а занимаетъ въ нашей идейно-тактической установкѣ центральное мѣсто.

Не можетъ не вызвать нашего недоумѣнія утвержденіе Милюкова, что младороссы «выводъ изъ другой (т.-е. его, Милюкова), точки зрѣнія усвоили, не усвоивъ, однако, самой точки зрѣнія и не отказавшись отъ основъ стараго міровоззрѣнія»; причемъ Милюковъ поясняетъ, что обладаетъ «цѣлой совокупностью программныхъ и тактическихъ оцѣнокъ, исходившихъ изъ совсѣмъ иной точки зрѣнія, чѣмъ та, къ которой обязывало пребываніе въ вѣрноподданности». О какомъ это «выводѣ» онъ тутъ говоритъ, остается непонятнымъ. Неужели онъ считаетъ отходъ отъ «бѣлой психологін», ставшей неизбѣжнымъ для всѣхъ живыхъ Русскихъ силъ, устремленныхъ въ будущее и внимательно слѣдящихъ за процессами Русской жизни, какъ бы заслугой республиканскихъ демократовъ?

Повидимому, Милюковъ дѣлаетъ монополіей своей группы, такія положенія, какъ, напримѣръ, «обращенность къ Россіи», хотя самъ предупреждаетъ насъ объ опасности монополизаціи неприваждлежащаго, считая, что мы не имѣемъ права даже монополизировать «гличку младороссы».

Справедливость требуетъ признанія того, что «обращенность къ Россіи» была провозглашена впервые не милюковцами, а евразіяцами, въ настоящее время, къ сожалѣнію, потерявшими морально-политическую уравновѣшенность и договорившимися до совершенно неудобопонимаемыхъ положеній, полныхъ двусмысленности и оппортунизма.

Въ чемъ же видить Милюковъ нашу съ нимъ общность? Онъ самъ перечисляетъ достаточно пунктовъ, въ которыхъ между нами и имъ лежитъ бездна. Онъ указываетъ, напримѣръ, на нашу «агрессивность», т.-е. максимализмъ, который нельзя не противопоставить либеральному демократизму, съ которымъ онъ подходитъ ко всѣмъ областямъ жизни.

Затѣмъ широта нашего охвата «отъ Киприлла до комсомольцевъ», по выраженію Милюкова, противопоставленіе нами долга, какъ служенія — понятію права, являющемуся краеугольнымъ камнемъ міровоззрѣнія Милюкова, связанное съ этимъ отри-

паніе нами «индивидуализма», различное отношеніе къ историческому прошлому Россіи и т. д. Было бы желательно, чтобы Милюковъ высказался опредѣленнѣе.

Странныя метаморфозы происходятъ и съ Керенскимъ. Въ «Дняхъ» отъ 9-го Декабря онъ пишетъ слѣдующее:

«Государство прежде всего..., — вотъ идея, которая должна вывести Россію изъ туника... Нужно прежде всего установить въ Россіи государственную власть, которая своей единственной идеей поставила бы пользу Государства». Идеаломъ государственника для Керенскаго является Петръ Великій. Онъ пишетъ: «часто и весьма кощунственно сравниваютъ работу Петра Великаго съ тѣмъ, что въ Россіи пароботалъ Ленинъ. Между тѣмъ нельзя найти болѣе противоположныя другъ другу типы дѣятельности: Петръ думалъ только о Россіи, только о государствѣ. У него не было никакой «идеологін», онъ шелъ отъ случая къ случаю, по надобностямъ государства, непуждаемый потребностями сегодняшняго дня. Онъ видѣлъ дали. Онъ чуялъ силу рождающагося новаго государства. Но онъ не надѣвалъ на Россію желѣзныи ошейникъ собственнаго міровоззрѣнія. Ленинъ же наоборотъ меньше всего думалъ о государствѣ, никогда не думалъ о Россіи. Для него Россія была только случайнымъ плацдармомъ... Петръ былъ совершенный государственникъ... Ленинъ совершенный антигосударственникъ... человекъ коверкающій государство, разрушающій его во имя торжества своихъ партійныхъ, слишкомъ человѣческихъ, преходящихъ идей».

Въ «Послѣднихъ Новостяхъ» отъ 18 ноября приведены слѣдующія слова одного интеллигента, пріѣхавшаго изъ Россіи: «Намъ нужна... творящая идея... напимѣръ, бонапартизмъ. Не подумайте, что я фашистъ или бонапартистъ. Нѣтъ. Но я готовъ принять всякую идею, которая выведетъ насъ изъ этого переносимаго состоянія. Поймите, мы изнываемъ безъ творящей идеи. Конечно, я говорю объ идеѣ общественнаго и государственнаго устройства. У насъ сильны религіозныя, философскія теченія. Но все это — не то.. Жизнь зашла въ бездну. Теперь намъ до зарѣза нужна идея. *Творящая идея*, способная не только повелѣвать, но захватить духъ. Вы понимаете *духъ захватить и оживить* намъ нужно. Мы не умерли, но мы въ анабіозѣ, въ глу-

14

бокомъ обморокѣ, въ потемнѣннн сознанія. Надо ухватиться за какую-то основную, коренную идею, чтобы все остальное ею освѣщалось, какъ яркимъ фонаремъ... У насъ такой идеи нѣтъ. И мы почувствовали, что въ этомъ, да, именно въ этомъ наша гибель. Надо найти такую идею въ Россіи. И зажечь ею людей, не разбирая, кто они; другъ тотъ, кто ею зажжется и тогда... и тогда все будетъ иначе.»

О томъ же свидѣтельствуемъ Керенскій, въ статьѣ котораго «Государство прежде всего» мы читаемъ слѣдующее: «мы всѣ отлично понимаемъ», говорилъ недавно одинъ московскій спецъ, имѣя въ виду и партійныхъ и безпартійныхъ бюрократовъ совѣтскаго аппарата, — «мы отлично понимаемъ, что такъ дальше продолжаться не можетъ, но для коренного преобразованія существующаго строя нужна прежде всего идея. Идея то у насъ и нѣтъ. Мы ее ищемъ. — Какъ же нѣтъ? А Ваши старыя идеи — свободнаго демократическаго государства? — Нѣтъ, нѣтъ, о нихъ не говорите. Онѣ насъ теперь не вдохновляютъ. Вѣдь это наше прошлое. А къ прошлому не возвращаются...» «Совѣтъ, какъ у нашихъ зарубежныхъ евразійцевъ и младороссовъ, меланхолически замѣчаетъ Керенскій, которые тоже въ своихъ писаніяхъ утверждаютъ, что демократическій опытъ въ Россіи уже въ прошломъ, въ короткихъ мѣсяцахъ семнадцатаго года. Какое нелѣпое заблужденіе — патетически восклицаетъ онъ. — Въ февральское время Россія не только не пережила эры демократіи, она не успѣла даже ознакомиться съ самыми начатками демократическаго строя», который Керенскій видимо собирается навязать будущей Россіи. Этимъ онъ противорѣчить своему же утвержденію о томъ, что единственно спасительной идеей является «полновластіе, всевластіе государства», что «остановить разрушеніе можно только однимъ путемъ: подчиненіемъ всѣхъ идей, всѣхъ партійныхъ плановъ, всѣхъ хозяйственныхъ преобразованій» интересамъ государства. Восторженно преклоняясь передъ Петромъ Великимъ, бывшимъ особенно яркимъ выразителемъ многовѣкового творческаго служенія Русскихъ Царей Россіи, Керенскій тутъ, можетъ быть самъ того не замѣчая, все же оказывается болѣе сродни «совершенному антигосударственнику — Ленину».

На это указывает и передовица «Послѣднихъ Новостей» отъ 20-го декабря, напоминающая ему его прошлую дѣятельность, какъ «заложника демократіи» и совѣтъ недовольная его попыткой «записаться чуть ли не въ ближайшіе сосѣди Муссолини». Намъ представляется, что особенно Керенскаго роднитъ съ Ленинымъ, ставившимъ коммунизмъ выше Россіи, фанатическая вѣрность бездушному антигосударственному принципу, такъ какъ для него, демократія все-же важнѣе Россіи, какъ и въ 1917 году, когда онъ призывалъ спасать не Россію, а разрушавшую ее революцію.

Но въ Россіи видимо нарастаютъ совѣтъ другія настроенія. Объ этомъ свидѣлствуютъ и социалисты - революціонеры, обладающіе, судя по «Днямъ», богатой и разнообразной информацией о жизни внутри Россіи. Въ своемъ докладѣ о проблемѣ власти въ Россіи (29 ноября), Керенскій заявилъ объ отсутствіи въ Россіи шансовъ для «парламентарной демократіи». Его дополнилъ большой знатокъ внутренняго положенія Россіи — Ивановичъ - Талинъ, указавшій на то, что «въ Россіи сильно развилось національное чувство. Оно дошло до такого напряженія, что, какъ правильно указалъ какъ-то А. Ф. Керенскій, въ настоящее время въ Россіи стало невозможнымъ пораженчество даже въ отношеніи къ такой изувѣрской власти. И ошибка думать, что патріотическое чувство выросло только въ населеніи, не затронувъ правительства... Иногда и партійный аппаратъ заговариваетъ въ «ура» патріотическомъ тонѣ, какъ это было, напримѣръ, во время польской войны».

Ростъ здороваго націонализма служитъ залогомъ того, что будущее въ Россіи не можетъ принадлежать старымъ либеральнымъ, демократическимъ и социалистическимъ партіямъ. Живыя національныя силы, борющіяся съ разлагающимъ вліяніемъ коммунизма, конечно, не смогутъ присоединиться ко всѣмъ этимъ теченіямъ, несомнѣнно духовно ему родственнымъ. Эти силы безъ сомнѣнія пойдутъ по пути петровской государственной традиціи. И только то теченіе, которое будетъ продолжателемъ этой традиціи, окажется подлинно народнымъ.

Младороссы стремятся на принципъ общенациональнаго служенія сойтись съ тѣми, кто работаетъ внутри Россіи. Это видимо сознаютъ и нѣкоторые наши противники. Такъ, нѣкто «Современ-

никъ», посвятившій намъ двѣ статьи въ «Дняхъ» (№5 и №15), совершенно правильно отмѣчаетъ, что мы рассчитываемъ «быть можетъ не безъ основанія» на «сегодняшнихъ комсомольцевъ, красныхъ пионеровъ, быть можетъ даже членовъ В. К. П.».

Соціалиста «Современника» особенно беспокоитъ то, что «пещерно - первобытный рейхенгальскій монархизмъ», подвергается нами «ирреально - нелѣпой модернизациі». И коммунисты, и «лѣвые» эмигранты обычно любятъ хоронить монархизмъ, считая его неразрывно связаннымъ съ экономическимъ и соціальнымъ реставраторствомъ. Это неправильное пониманіе монархизма сказалось и въ недавнемъ заявленіи Керенскаго о томъ, что «карта монархіи бита, потому что въ Россіи нѣтъ больше дворянства, какъ класса». Въ младороссахъ же «лѣвые» увидѣли какихъ-то новыхъ монархистовъ, могущихъ, напримѣръ, совмѣстить «стихийный экономическій радикализмъ» съ «сознательной политической реакціонностью» («Дни» № 5). Современникъ даже какъ бы впадаетъ въ паническое настроеніе: «Они (младороссы) могутъ искренне считать себя въ авангардѣ движущейся впередъ Россіи, могутъ молить Господа Бога помочь имъ стать «головнымъ дозоромъ Русскаго возрожденія». «Мы (т. е. соціалисты) должны сдѣлать все возможное, чтобы минуло Россію и насъ грѣшныхъ это навожденіе... Аминь, аминь, разсыпья...»

Непріятное впечатлѣніе производитъ исключительно грубый и пошлый тонъ обѣихъ статей «Современника» въ «Дняхъ». Наряду съ серьезными замѣчаніями, напр., о томъ, что пореволюціонный монархизмъ младороссовъ является идеологически и духовно прямымъ потомкомъ стараго русскаго націонализма («Дни» № 15), статьи его наполнены рядомъ неприличныхъ и неосновательныхъ выводовъ. Отдѣльныя мѣста свидѣтельствуютъ о невнимательномъ отношеніи къ разбираемымъ изданіямъ. Онъ, напримѣръ, утверждаетъ, что «младороссы вмѣстѣ съ Марковымъ II поддерживаютъ Карловацкаго Митрополита Антонія». Если бы «Современникъ» былъ православнымъ (каковымъ онъ повидимому не является), то понялъ бы, что почтительное отношеніе къ іерарху Православной Церкви есть долгъ всякаго церковнаго чловѣка и благодарность за привѣтствіе отнюдь не означаетъ, что младороссы вмѣшиваются въ

прискорбную эмигрантскую церковную смуту. Мы на той же страницѣ совершенно опредѣленно заявили о томъ, что, являясь политической организаціей, категорически отказываемся отъ представленія къ своимъ сочленамъ какихъ либо требованій, касающихся ихъ религіозной совѣсти. Жаль, что «Современникъ» не отнесся вдумчивѣй къ нашимъ писаніямъ. Добросовѣстной и обоснованной критики мы не боимся, а только привѣтствуемъ ее.

К. Шевичъ.

